

Жанр «угроза» в немецком речевом общении

Аннотация: Статья посвящена изучению феномена вербальной агрессии в обиходно-бытовой сфере. На материале немецкого разговорного языка рассматриваются языковые средства, являющиеся маркерами агрессивного поведения, характерные для угрозы – одного из древнейших видов речевой агрессии. Приводится определение жанра «угроза». Анализируются структурные типы угроз. Раскрываются особенности лексики и использования средств словесной образности. Исследование лексического наполнения разнообразных словесных формул позволяет выявить их стилистический потенциал и этнокультурные особенности.

Ключевые слова: речевая агрессия, речевой акт, угроза, футуральная перспектива, формы местоимений, структура и семантика словесных формул, этнокультурная специфика

Abstract: The article deals with phenomenon of verbal aggression in everyday and domestic sphere. The author discusses the language means which are markers of aggressive behavior, typical for the threat – the one of the oldest forms of a verbal aggression – on a material of German spoken language. These are analysed definition of the genre «threat», the structural types of threats, the vocabulary and means of verbal imagery which used in these construction in the article. A study of the lexical content of various verbal formulas let us to discover their stylistic potential and ethno-cultural features.

Key words: verbal aggression, speech, threat, futural perspective, forms of pronouns, structure and semantics of verbal formulas, ethno-cultural specificity

В настоящее время изучение речевой агрессии стало одним из приоритетных направлений в лингвистике. При этом основное внимание ученых привлекают наиболее подверженные агрессивности прагматические дискурсы, такие как политический дискурс и публицистика. Однако не менее интересным представляется изучение феномена вербальной агрессии в обиходно-бытовой сфере, поскольку именно здесь в наибольшей степени проявляется многообразие речевого выражения человеческих эмоций. В настоящей статье будет предпринята попытка описать языковые средства, являющиеся маркерами агрессивного поведения, характерные для угрозы – одного из древнейших видов речевой агрессии.

Как известно, угроза – речевой акт, высказывание, в котором говорящий заявляет о своем намерении нанести адресату физический или иной ущерб; обычно является резко негативной реакцией на враждебные действия или намерения [5: 353–355].

Угроза используется в конкретной ситуации. Особенностью коммуникативного акта является в данном случае стратегия давления, которое оказывает на адресата отправитель текста, тот, кто произносит словесную формулу. Установка на конфликт, конфронтацию характеризует выбор поведения с активным воздействием на партнера по коммуникации, с доминированием роли говорящего, с использованием негативных средств речевого общения [1: 23]. По своей общей семантике, логическому содержанию (пугание) угроза сближается с предостережением. Например, обращения угрожающего характера, такие как *Freundchen! Freundschaft! Männchen!*, а также высказывания типа *Laß dich nicht kriegeln! Sie sind gewarnt!* в зависимости от ситуации могут быть как угрозой, так и предупреждением. Причем в данном случае действенность угрозы значительно повышается за счет средств интонации, жестов и мимики.

Для жанра «угроза» характерна определённая система речевых явлений. Так, данный жанр обладает футуральной перспективой: события, о которых идет речь, относятся к сфере человеческих поступков, действий, которые отнесены в будущее [2: 721–722]. Для выражения действий в будущем служит *Präsens (wir treffen uns nochmal woanders! Ich breche dir sämtliche Knochen im Leib!)*, а также – реже – *Futurum I: Ich werde dir die Rippen numerieren*. Как известно, фактор прошлого нерелевантен для речевого жанра «угроза» [2: 721–722]. Однако в такой форме угрозы, как риторический вопрос, широко употребляется перфект. Перфект устанавливает непосредственную связь между событием прошлого и настоящим моментом, в который событие вызывается в представлении говорящих. Ср.: *Dir ist wohl lange kein Pflaumenmus aus der Nase gelaufen? Du hast wohl lange keine Knochen gehustet?*

Еще одной характерной для угрозы лингвистической особенностью является схема использования 1-го и 2-го лица ед. числа. Первое лицо – субъект речи, второе лицо – реальный адресат. Как известно, личные местоимения в основном стилистически нейтральны, однако они имеют определенную функционально-стилистическую окраску. Весьма показательны в этом смысле примеры использования в данном жанре форм 3-го л. ед. числа. Ср.: *Der soll mir nur kommen! Der wird noch an mich denken!* Подобные угрозы, где местоимение **der** заменяет местоимение 3-го л. ед. числа **er**, адресуется человеку, который в настоящий момент отсутствует.

Вежливая форма **Sie** может употребляться в угрозе, если автор угрозы – лицо, наделенное какими-либо полномочиями, в более официальной обстановке. Ср.: *Sie sind gewarnt! Das werden Sie noch bereuen!* Однако форма вежливого обращения нетипична для данного жанра, поскольку угрозы обычно произносятся в конфликтных бытовых ситуациях. Их речевая ткань особенно активно проявляет себя в сферах функционирования устной речи (в семье, школе, в армии, в среде рокеров, в сфере обслуживания, в сфере хозяйства, где используется физический труд) и обращает на себя внимание ярко выраженной разговорностью, отсутствием официальности.

Лексико-грамматические свойства угрозы такие, что текст с первого раза в любых условиях воспринимается адресатом: здесь нет малопонятных слов, длинных цепочек слов в словосочетании. Интонация разговорной речи приводит к

преобладанию в тексте угрозы малораспространенных конструкций. Структурные типы угроз довольно разнообразны. Так, как уже было сказано выше, единицами общения в конфликтной ситуации могут быть односоставные бытовые реплики, например обращения (*Freundchen! Männchen!*). В исследуемом жанре встречаются также угрозы, выраженные словосочетанием. Ср.: *Du lebensmüde Laus!* Данная угроза адресуется обычно наглomu человеку, который так же надоедлив и назойлив, как упомянутое в высказывании насекомое, участь которого он должен разделить, т. е. адресат подлежит физическому уничтожению. В функции угрозы выступают также побудительные предложения: *Untersteh dich! Na, warte!* Особенно показательны для угрозы как жанра повседневного устного общения использование кратких простых предложений, структура которых основана на схеме «я сделаю + кому + что». Первый компонент данной схемы – сочетание личного местоимения с глаголом, называющим конкретное действие, которое должно причинить ущерб (чаще всего это глаголы *hauen, schlagen, drehen, brechen, zerschlagen, beißen*). Второй компонент – дополнение, на которое направлено действие, выраженное сказуемым. Ср.: *Ich schneide dir die Ohren ab! Ich werde dir die Rippen numerieren! Ihm möchte ich alle Knochen zerschlagen!* Приведенные высказывания содержат прямое дополнение и косвенное дополнение. Причем из существующих разновидностей свободного дательного падежа для угрозы характерен *dativus commodi*, который, как известно, обозначает лицо, в отношении которого совершается действие. В последней фразе дополнение в дательном падеже занимает первое место. Инверсия стилистически окрашивает предложение, приводит к эмоциональному выделению слова.

Обстоятельства в тексте угрозы встречаются сравнительно редко. Ср.: *Wir treffen uns nochmal woanders! Ich salze dich in deinem eigenen Blut ein!*

Текст угрозы может разрастаться за счет включения в него предупреждения о негативных последствиях для адресата при условии, если адресат совершит или не совершит чего-либо, а также сведений о степени тяжести негативных последствий для адресата. Например, *Wenn du das nicht lässt, kannst du was erleben! Ich haue dich, daß du deine Knochen im Sack nach Hause tragen kannst. Na warte, wenn ich dich erwische!* Последнее высказывание – это нейтральная угроза, в ней нет указания на нанесение конкретного физического ущерба. Такие «мягкие» угрозы имеют воспитательное значение.

Косвенные угрозы могут быть выражены характерными для устной речи предложениями с наречием *sonst* (*Sonst mache ich aus dir Pudding / Gehacktes / Frikasse / Schaschlik*) или предложением с союзом *oder* (*Hau' ab, oder ich beiß' dich in die Nase*).

В угрозе заслуживает внимания также употребление именительного падежа, что имеет место в случае расчленения высказывания на простые, краткие смысловые группы с большой коммуникативной самостоятельностью. Ср.: *Ein Schlag, und du bist pensionsberechtigt!*

Ein Schlag, und deine Familie ist ausgerotet!

Ein Schlag, und das Hemd steht allein da! Ein Schlag, und die Nase sitzt hinten!

Ein Stich mit dem Sacktuch, und du im Hemd da!

В приведенных примерах, где автор угрозы хвалится своей силой, имеется коммуникативное выделение одного из членов высказывания, выраженного существительным. Грамматически это выделение оформляется в самостоятельную группу именительного падежа. Синтаксический сегмент «Schlag» репрезентирует

более крупные части предложения, что является одним из проявлений языковой экономии.

Классификация структурных типов угроз была бы неполной без упоминания так называемых недосказанных формул. Фигура речи «умолчание» («усечение») весьма распространена в жанре «угроза». Ср.:

1 *Warte, ich will dir!*

2 *Ich werde dir gleich helfen!* (= *ich werde dir helfen, beim Nachbar Kirschen zu stehlen = ich werde dich daran hindern!*).

3 *Ihm könnte ich stundenlang!* (= *ihm könnte ich stundenlang ins Gesicht schagen, ins Gesicht spucken u.a.*).

Подобные усеченные конструкции могут выражать различные эмоции и эмоциональные состояния говорящего с точки зрения гнева, возмущения, негодования. Среди приведенных фраз есть довольно «мягкие» угрозы, которые адресуются часто детям (1, 2), ироничная угроза (2), более «жесткая» словесная формула, в которой заключено довольно сильное средство воздействия (3). В любом случае нельзя не согласиться с точкой зрения Деметрия Фалерского (354–283 г. до н. э.), который писал о фигуре речи «умолчание» следующее: «Умолчание часто заключает в себе некоторую силу. Мало того, даже неясность: недосказанное производит более сильное впечатление, а к тому, что пространно выражено, относятся с пренебрежением» [3: 350].

С точки зрения отбора лексических средств угроза характеризуется высокой степенью воспроизводимости, повторяемости, поскольку тематика словесных формул в данном случае охватывает прежде всего сферу физического здоровья. Угроза располагает большим числом специальных названий для отдельных частей тела человека, прежде всего это голова, зубы, лицо, ребра, нос, уши, шея, кости. Немало угроз содержат насмешку, иронию, вызывают разнообразные, иногда метафорические ассоциации. Определенным словесным формулам нельзя отказать в остроумии. Таковы, например, забавные образы некоторых берлинских угроз. Ср.: *Ich spucke dir auf den Kopf, daß du drei Tage unter Wasser stehst. Ich haue dich auf den Kopf, daß deine Läuse piepen (wimmern). Ich haue dich auf den Kopf, daß du durch Rippen (den Brustkasten) guckst wie ein Affe durchs Gitter.* Подобные высказывания привлекают внимание, забавляют своим остроумием, однако они не совсем безобидны и не всеми могут быть восприняты с юмором. Нейтральные по своей сути объекты, части тела человека в исследуемом речевом акте часто подвергаются снижению и вульгаризации. Так, традиционный пренебрежительно-презрительной реноминации подвергаются в угрозе голова (Kopf) и лицо. Ср.: *Ich haue dir aufs Maul, daß dir die Zähne batallonsweise zum Maul rauskommen. Ich haue dir aufs Maul, daß dir die rote Brühe zum Hals rausspritzt! (rote Brühe = Blut). Gleich haue ich dir den Pilz ab! (Pilz = Kopf). – Dir drehe ich die Schnauze ins Genick* (угроза свернуть шею как курице). *Ich haue dir gleich einen vor den Karton! (Karton = Kopf. In gekürzter Form analog zu Verstandskasten).*

Ich haue dir die Kerne aus der Melone!

Ich haue dir auf die Glocke, bis du Lust zum Sterben kriegst. (Glocke = Gesicht, Kopf).

Как видно из приведенных примеров, эмоциональная напряженность угрозы во многом создается именно метафорой. Что касается других средств словесной образности, то их роль в угрозе практически сведена к нулю. Анализ текстов

выявил отсутствие в данном жанре эпитетов; образные сравнения и метонимии встречаются здесь крайне редко. Ср.: *Ich knacke dich durch wie eine Mohrrübe! Kannst du diese Handschuhnummer?* Последняя фраза обычно сопровождается соответствующим жестом: угрожающий подставляет к лицу стоящего напротив него человека кулак. (Die Handschuhnummer = große Hände) – название, которое перенесено с вместилища на содержимое. В результате метонимического переноса у слова Handschuhnummer появилось новое лексическое значение, в семантике слова совместились принципиально разные значения: признаковые и предметные [4: 142–144].

Характеризуя лексическое наполнение угроз, нельзя не остановиться на словесных формулах, где в качестве устрашителя используется этнический образ. Например: *Dich wird gleich der Krampus holen!* Крампус – огромный, рогатый, волосатый, козлообразный демон, который засовывает непослушных детей в мешок и утаскивает их в свое лесное логово [6: 14].

Ich haue dich zum Hampelmann! Хампельман – марионетка, детская раскрашенная игрушка в виде фигурки человечка, руки и ноги которого приводятся в действие дерганьем за веревочки (Hampelmann от нижненемецкого hampeln – «махать руками, дрыгать ногами»). Обращает на себя внимание также угроза, включающая в себя одну из известных немецких пословиц: *Ich haue dir eine, daß du denkst, Ostern und Pfingsten fällt auf einen Tag!*

К национально-специфичным угрозам можно отнести также следующие фразы: *«Ich schlage dich, daß du den Himmel für einen Dudelsack ansiehst!»* («den Himmel für einen Dudelsack ansehen» = *bezecht sein, heiter, sorglos sein.*)

Ich haue dich auf den Kopf, daß du den Himmel für eine Baßgeige hältst (ansiehst)» («den Himmel für eine Baßgeige ansehen» = *betrunken sein.*) Данные угрозы возникли из представлений о музицирующих ангелах.

В целом в лексике угрозы встречается все то, что можно услышать в разговорной речи немцев. Несмотря на ограниченность тематики, угроза с точки зрения лексики представляет собой весьма разнообразную и интересную картину: здесь встречаются заимствования, например *Ich werde dich killen!* (killen – из английского языка «to kill» – употребляется в значении j-n töten), используются данные из области музыки: *mein lieber Schwan!* – ироничная угроза-обращение, заимствованная из оперы Вагнера «Lohengrin»; из художественной литературы: *Ich werde dich in die ewigen Jagdgründe befördern (versetzen): die ewigen Jagdgründe (pl.) = Jenseits* – обозначает мир мертвых индейцев, заимствовано из романов Джеймса Фенимора Купера и Карла Мая.

Таким образом, жанр «угроза» не является замкнутой структурой, на лексическом уровне он постоянно обогащается реалиями, отражающими конкретную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Купина Н.А., Михайлова О.А. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. № 5(13). 2002. С. 54–64.
2. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. 840 с.
3. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь М., 2007. 944 с.
4. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. 432 с.

5. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М., 1999. 736 с.

6. *Historicum*. 2016. Январь / Февраль.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. *Городникова М.Д., Добровольский Д.О.* Немецко-русский словарь речевого общения. М., 1998. 332 с.

2. *Küpper H.* Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, Dresden: Klett, Verlag für Wissen und Bildung, 1993. 959 S.

REFERENCES

1. Kupina N.A. H.A., Mikhaylova O.A. Linguistic Problems of Tolerance. *Mir Russkogo Slova*. No 5(13). 2002, pp. 54–64.

2. Culture of Russian Speech. Collegiate Dictionary Directory. Moscow. 2003. 840 p.

3. Moskvin V.P. (2007) The Expressive Means of the Contemporary Russian Language. Tropes and Figures of Speech: Terminological Dictionary. Moscow. 944 p.

4. Russian Language. Encyclopedia. Moscow. 1979. 432 p.

5. Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: In 5 vols. Vol. 5: S (Skazka) – Ya (Yascherica). Moscow. 1999. 736 p.

6. *Historicum*. 2016. January / February.

THE SOURCES OF LANGUAGE MATERIAL

1. Gorodnikov M.D., Dobrovolsky D.O. (1989) German-Russian Dictionary of Verbal Communication. Moscow. 332 p.

2. *Küpper H.* (1993) Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, Dresden: Klett, Verlag für Wissen und Bildung. 959 S.

Сведения об авторе:
Елена Георгиевна Носова,
канд. филол. наук
доцент
кафедра немецкого языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena Nosova,
PhD
Associate Professor
Department of German Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
iirina06@yandex.ru